

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации

Вечернее заседание 16 декабря

ХАРЬКОВ, 16 декабря. (ТАСС). После допроса подсудимых суд переходит к докладу свидетелей.

Первым допрашивается свидетель Хайнц Ломарс его звёздой через переводчика Бопылова.

Председатель. — Ваш год рождения?

Хайнц. — Я родился 8 ноября 1901 года в городе Нойштадт.

Председатель. — Из какой семьи происходит?

Хайнц. — Из семьи торговца.

Прокурор. — Ваш военный чин?

Хайнц. — Я имею чин оберштурмбаннфюрера. В прошлом являлся заместителем начальника штаба Гесса, а в последнее время был окружным комиссаром в гор. Мелитополе. Мой чин соответствует чину генерал-майора.

Председатель. — Предупреждает свидетеля Хайнца, что он должен давать Военному Трибуналу правдивые показания. За дачу ложных показаний он будет отвечать по закону.

Председатель. — Свидетель Хайнц, в как имеет вопросы военный прокурор.

Прокурор. — Скажите, свидетель, вы являетесь национал-социалистической партии?

Хайнц. — Да.

Прокурор. — С какого года?

Хайнц. — С 1923 года.

Прокурор. — Вы занимались активной партийной работой?

Хайнц. — Да.

Прокурор. — Какую партийную работу вы выполняли?

Хайнц. — Я был организатором и руководителем отряда ОД в городах Бремен, Франкфурт на Майне и политических руководителями штаба Гесса до 1941 года.

Прокурор. — Какие вы имели награды?

Хайнц. — Я имею следующие награды: бронзовую, серебряную и золотую медали национал-социалистической партии в почётный знак национал-социалистовой партии, так же партии с 1923 года.

Прокурор. — Что вы делали и чем занимались, будучи в Мелитополе комиссаром?

Хайнц. — В мою задачу входило руководство управлением хозяйства и эксплуатацией земельной инспекции. Я должен был выкачивать сельскохозяйственные продукты для обеспечения армии и горнодобывающей промышленности.

Прокурор. — Что же, жители охотно давали вам продукты?

Хайнц. — Население нехотело давать продукты, побуждало сдачу их, а часть населения вообще не была в состоянии давать требованию норму сельскохозяйственных продуктов.

Прокурор. — Что же вы делали с людьми, которые не давали продукты?

Хайнц. — Те лица, которые сопротивлялись и не давали нужные продукты, были арестованы Гестапо и СД и заключены в тюрьму.

Прокурор. — Отракаетесь от жестокостей?

Хайнц. — Да.

Прокурор. — А к отравлению людей газом вы тоже отвратительно относитесь?

Хайнц. — Я считал, что отравление газом — это хуманное средство, но я не знал, что при этом смерть наступает после таких продолжительных мучений.

Прокурор. — Не известны ли свидетельствуем ли документы, характеризующие политику германского правительства

«газовым автомобилем». По заявлению генерал-лейтенанта полиции фон-Альвенслебен, фюрер, то есть Гитлер, распорядился о том, чтобы болотина по поводу «газового автомобиля» прекратилась, иначе виновники будут преданы специальному суду СС.

Прокурор. — Вы лично видели когда-нибудь «газовый автомобиль»?

Хайнц. — Да, «газовый автомобиль» я видел в городе Ровно, правда, не во время его работы, а во время стоянки.

Прокурор. — Вы признали участие в уничтожении людей посредством «газового автомобиля»?

Хайнц. — Нет, не признал.

Прокурор. — Расскажите подробно о вашей беседе с Зоман.

Хайнц. — Зоман рассказал мне в беседе, что смерть от отравления газами безболезненна и более гуманна. Он указал, что смерть в «газовом автомобиле» наступает очень быстро, но на самом деле она наступала не в 12 секунд, а более медленно и была связана с муками. Зоман рассказал мне о лагере в Аушвице (Германия), где также применялось отравление газами арестованных. Им говорили, что их переводят в другое место, а иностранным рабочим объясняли, что их отправляют на родину, и под этим видом направляли в башни. Лица, подлежащие казни, сначала поступали в барак с надписью «Дезинфекция», где раздавались мужчины однажды в женщины и дети — отдельно. Затем им приказывали перейти в другой барак с надписью «Баня». Во время мытья открывали специальные клапаны, в помещение поступал газ, от которого люди умирали. Затем умершающие ссыпались в специальных печах, в которых одновременно может быть сожжено до 200 трупов.

Прокурор. — Вам не говорил Зоман, почему указанию стали применяться казни газом?

Хайнц. — Зоман рассказывал мне, что осенью 1942 г. состоялось совещание между Гитлером, Гиммлером и начальником СД Кальтербрюнером, где было решено приступить к казням путём применения газов.

Прокурор. — Что вы делали и чем занимались, будучи в Мелитополе комиссаром?

Хайнц. — В мою задачу входило руководство управлением хозяйства и эксплуатацией земельной инспекции. Я должен был выкачивать сельскохозяйственные продукты для обеспечения армии и горнодобывающей промышленности.

Прокурор. — Что же вы имели право критиковать указания фюрера, обусловленные военным временем. (Смех в зале).

Хайнц. — Я не имею права критиковать указания фюрера, обусловленные военным временем. (Смех и оживление в зале).

Прокурор. — Что вам известно о вывозе излишества и ценностей из занятых германской армией территорий и какие на этот счёт имелись директивные указания выше?

Хайнц. — Я имел указание от имперского комиссара — все, что не нужно германской армии на месте, выкачивать у населения (это называется сельскохозяйственными продуктами) и отправлять в Германию. Исполнительной властью в этом отношении пользовались хозяйствственные отряды при генеральном комиссариате.

Прокурор. — А кто вывозил излишества и ценностей?

Хайнц. — Те лица, которые сопротивлялись и не давали нужные продукты, были арестованы Гестапо и СД и заключены в тюрьму.

Прокурор. — Что значит «заключение»?

Хайнц. — Заключивать — значит сажать в тюрьму.

Прокурор. — А к отравлению людей газом вы тоже отвратительно относитесь?

Хайнц. — Я считал, что отравление газом — это хуманное средство, но я не знал, что при этом смерть наступает после таких продолжительных мучений.

Прокурор. — Не известны ли свидетельствуем ли документы, характеризующие политику германского правительства

проходили передовые части германской армии?

Хайнц. — Так точно.

Председатель. — И население уничтожали передовые части германской армии?

Хайнц. — Да.

Председатель. — Но потом передовые части германской армии прошли дальше за Мелитополь, кто же уничтожил 4.000 человек?

Хайнц. — Гестапо и СД.

Председатель. — А при отступлении немецкой армии также уничтожалось мирное население?

Хайнц. — При отступлении германских войск города и деревни сжигались, а мирное население подвергалось насильственной эвакуации.

Председатель. — Какие задачи стояли перед вами, как окружным комиссарам на случай эвакуации города Мелитополя?

Хайнц. — Я получил лично от полевого коменданта указания о проведении насильственной эвакуации населения. Ее наступила не в 12 секунд, а более медленно и была связана с муками.

Председатель. — Какие вы имели директивы в отношении разрушения в городах государственных и общественных зданий?

Хайнц. — Помещения и учреждения города и важные в оборонном отношении здания были уничтожены хозяйственными отрядами армии.

Председатель. — По чьему приказу?

Хайнц. — По приказу полевого коменданта.

Председатель. — Кто в это время был полевым комендантом?

Хайнц. — Генерал Тизер.

Председатель. — По вашим показаниям выходят, что, когда германские передовые части вновь занимали территорию, они убивали и грабили мирное население, а потом гестапо, СД и другие карательные органы уничтожали советских лиц.

Хайнц. — Перед отступлением частей германской армии также уничтожалось мирное население. Правильно это?

Хайнц. — Я не имею права критиковать указания фюрера, обусловленные военным временем. (Смех в зале).

Председатель. — Что вам известно о вывозе излишества и ценностей из занятых германской армией территорий и какие на этот счёт имелись директивные указания выше?

Хайнц. — Я имел указание от имперского комиссара — все, что не нужно германской армии на месте, выкачивать у населения (это называется сельскохозяйственными продуктами) и отправлять в Германию. Исполнительной властью в этом отношении пользовались хозяйственные отряды при генеральном комиссариате.

Прокурор. — А кто вывозил излишества и ценностей?

Хайнц. — Те лица, которые сопротивлялись и не давали нужные продукты, были арестованы Гестапо и СД и заключены в тюрьму.

Прокурор. — Что значит «заключение»?

Хайнц. — Заключивать — значит сажать в тюрьму.

Прокурор. — А к отравлению людей газом вы тоже отвратительно относитесь?

Хайнц. — Я считал, что отравление газом — это хуманное средство, но я не знал, что при этом смерть наступает после таких продолжительных мучений.

Прокурор. — Не известны ли свидетельствуем ли документы, характеризующие политику германского правительства

наицжал на нашем батальону и который должен был меня отвезти обратно в Степенку. Я стоял на шоссе и ожидал автомобиль. В этот момент по шоссе ехала в моё направление большая автомашиной, которую я принял за тюремный или почтовый автомобиль. Автомобиль остановился возле меня. Из кабину шофера вышел унтершарфюрер и спросил — не видел ли я большую грузовую машину с эсэсовцами. Затем унтершарфюрер подошёл ко мне, закурил папиросу, и я заметил, что унтершарфюрер был слегка павесел. Я обратился к нему с вопросом — не может ли он меня подвезти на своей машине по направлению к Мариуполю. Он засмеялся и, подойдя вместе со мной к задней двери автомашины, смеясь, заявил: «Ну, что ж, поглезайте, здесь места хватит для многих». Когда он открыл дверь, оттуда посыпало отвратительным запахом. Машина была совершенно пустой. И в этот момент я подумал, что вероятно это и есть тот «газовый автомобиль», о котором я раньше слышал. Я сказал: «Что же, вы хотите меня на этой машине прокатить в небеса?» Унтершарфюрер внезапно умолк, стал серьёзным и спросил: — А что вы знаете об этой машине? Я ответил, что о «газовом автомобиле» я много слышал. Унтершарфюрер ответил, что это — действительно «газовый автомобиль», но я об этом ни звука никому не должен говорить, так как эта машина держится в строгой тайне. Унтершарфюрер далее заявил, что они только-что приехали из одной местности, где были умерщвлены 42 русских.

Прокурор. — От кого вы впервые слышали об этой «газовой машине»?

Янчи. — Впервые я услышал о существовании «газовой машины» от унтер-офицера Хааса до этого был на центральном отрезке Восточного фронта и рассказывал, что он видел «газовый автомобиль» в окрестностях Смоленска, а также в Витебске и Белгороде. Я слышал также о «газовой машине» от Вини и Берхольд — военнослужащих 179 батальона 1 роты 79 германской пехотной дивизии. Эти люди также говорили, что они видели и слышали про «газовые машины» на центральном отрезке фронта в районах Смоленска, Витебска и Белгорода. Неудивительно, что теперь все народы называют ими немцев с варварами. За это обозначение германский народ может благодарить Адольфа Гитлера, а также за то, что сейчас совсем невесело быть немцем. (Смех и оживление в зале).

Бровь и кровь сопровождала весь этот рассказ.

Прокурор. — А приготовлять пищу можно было?

Янчи. — Никто об этом не заботился. Считали, что такой метод раздачи пищи вполне удовлетворителен.

Прокурор. — Всем давалась пища?

Янчи. — Нет, при таком способе раздачи пищи могли получить эти пакетики с кашей лишь те счастливцы из заключенных, которые находились в первом ряду и могли поймать падающую брошенную пищу.

Прокурор. — Где находился этот пакетик?

Янчи. — В первом ряду находился в первую очередь комендант лагеря 231, работавший с начала советско-германской войны до декабря 1941 года, майор Фонс, затем сменивший его подполковник Гуттингерт, офицер контрразведки, доктор Глезен, лагерный врат, доктор Рабензенфир и агент он же заместитель коменданта лагеря, лейтенант Кирис. Это основные выжившие.

Прокурор. — Вы жили в гор. Харькове?

Янчи. — Да, я был в Харькове.

Прокурор. — Расскажите, что вам известно о военнопленных и гражданских лицах в гор. Харькове?

Янчи. — Непосредственными выжившими гибели заключенных в 231 лагере являются в первую очередь коменданты лагеря 231, работавший с начала советско-германской войны до декабря 1941 года, майор Фонс, затем сменивший его подполковник Гуттингерт, офицер контрразведки, доктор Глезен, лагерный врат, доктор Рабензенфир и агент он же заместитель коменданта лагеря, лейтенант Кирис. Это основные вы

Прокурор. — Что вы делали и чем занимались, будучи в Мелитополе комиссаром?

Хейниш. — В мое задание входило руководство управлением хозяйства и эксплуатацией земельной инфраструктуры и земельных продуктов для обеспечения армии в германском тылу.

Прокурор. — Что же, жители охотно давали вам продукты?

Хейниш. — Население неохотно давало продукты, саботировало сдачу их, а часть населения вообще не была в состоянии давать требуемую норму сельскохозяйственных продуктов.

Прокурор. — Что же вы делали дальше, когда не давали продукты?

Хейниш. — Те лица, которые сопротивлялись и не давали нужные продукты, были арестованы гестапо и СД и liquidированы.

Прокурор. — Что значит liquidировать?

Хейниш. — Liquidировать — значит уничтожить, расстрелять.

Прокурор. — Следовательно, вы занимались грабежом, а гестапо — убийствами.

Хейниш. — Так точно.

Прокурор. — Сколько людей было уничтожено в вашем бытности в Мелитополе?

Хейниш. — За время с 1 сентября 1942 года по 14 сентября 1943 года в Мелитопольской области было уничтожено 3—4 тысячи человек.

Прокурор. — Известно ли вам, что в Мелитополе после взятия начальниками было обнаружено 14 000 трупов? Не проуменьшите ли вы цифру?

Хейниш. — Это расхождение объясняется тем, что еще в 1941—42 гг. при оккупации Мелитополя органы гестапо и СД уничтожили многих советских граждан.

Прокурор. — Сколько таких больших операций было проведено в вашем бытности в Мелитополе?

Хейниш. — За время моей работы в Мелитополе было примерно 3—4 массовых операции, в частности, в декабре 1942 года было арестовано 1 200 человек сразу.

Прокурор. — Это что, в ночь под Рождество?

Хейниш. — Да.

Прокурор. — За что же были арестованы эти люди?

Хейниш. — За саботаж, в антигерманской пропаганде.

Прокурор. — А что же сделали с этими людьми потом?

Хейниш. — Они были направляемы в специальный лагерь и там расстреляны или уничтожены при помощи «газового автомобиля».

Прокурор. — Там был лагерь для военнопленных?

Хейниш. — В России не организовывали концентрационные лагеря, а использовались для этой цели лагеря для военнопленных.

Прокурор. — Следовательно, гражданские паспорта заливались в лагере для военнопленных?

Хейниш. — Да.

Прокурор. — Расскажите все, что знаете о газовом автомобиле.

Хейниш. — «Газовый автомобиль» представляет собой тип тюремного автомобиля с герметически закрывающейся двусторонней дверью, в которой находятся ямы для отравления газами мирного населения?

Хейниш. — Уничтожение людей путем отравления газом должно было быть применено в концентрационных лагерях.

Прокурор. — На оккупированной немцами территории?

Хейниш. — В оккупированных областях нет концентрационных лагерей.

Прокурор. — Знают в Германии?

Хейниш. — Да.

Прокурор. — Известно, что в Мелитополе 14 000 человек было уничтожено в расстреливании, но же показали только о 4-х тысячах. Остальные 10 тысяч человек куда же были уничтожены?

Хейниш. — Небольшая часть советских элементов была уничтожена сразу же после занятия города.

Прокурор. — Значит тогда, когда

Хейниш. — Давай расскажу, что я делал в 1942 г. состоялось совещание между Гитлером, Гиммлером и начальником СД Кальтербаумом, где было решено приступить к казни путем применения газов.

Прокурор. — Может быть вы скажете о своем отношении к зверствам Гитлера и его едини?

Хейниш. — Как национал-социалист я призван выполнять приказания и указания, полученные от фюрера. Однако, я отказался от жестокостей.

Прокурор. — Отказался от жестокости?

Хейниш. — Да.

Прокурор. — А к отравлению людей газом вы тоже отрицательно относитесь?

Хейниш. — Я считал, что отравление газом гуманное средство, но я не знал, что при этом смерть наступает по-случаю продолжительных мучений.

Прокурор. — Не известны ли сандеки какие-либо документы, характеризующие политику германского правительства в оккупированных странах, в частности во временно оккупированных районах СССР?

Хейниш. — Нет, такие документы мне неизвестны. Однако, из высказываний авторитетных руководителей я знаю, что предполагалось довольно быстро разбить русскую армию. Учитывая, что держать в пленовении русский народ будет весьма затруднительно, было приказано беспощадно применять репрессивные меры во отношении к гражданскому населению. Несколько. Однака, из высказываний авторитетных руководителей я знаю, что предполагалось довольно быстро разбить русскую армию. Учитывая, что держать в пленовении русский народ будет весьма затруднительно, было приказано беспощадно применять репрессивные меры во отношении к гражданскому населению.

Хейниш. — Хозяйственные отделы были подчинены главному хозяйственному управлению при генеральном комиссаре.

Прокурор. — Как вы считаете, кто виновен во всех совершенных немцами злодеяниях, в разрушении городов, селений, в уничтожении ни в чем не повинных людей?

Хейниш. — Я не распоряжалась гестапо и СД.

Прокурор. — У защиты имеются вопросы к свидетелю Хейниш?

Зашитник Белов. — Не смогут ли свидетель Хейниш сказать, какое наказание по законам военного времени предусматривается за уклонение от эвакуации при отступлении германских войск?

Хейниш. — Об имеющихся приказах по этому поводу я ничего не могу сказать.

Зашитник Белов. — А если уклонится сотрудник «специеркоманды» от эвакуации при отступлении германских войск?

Хейниш. — Он тогда, согласно военным законам, расстреливается.

Зашитник Белов. — У меня нет больше вопросов.

На этом допрос свидетеля Хейниш заканчивается.

Прокурор. — На очереди допрос свидетеля Кош.

Входит свидетель Кош, который даёт свои показания суду через переводчика.

Прокурор. — Ваша фамилия, год рождения?

Кош. — Кош, Карл, родился 27 декабря 1908 года.

Прокурор. — Какое имеете образование?

Кош. — Архитектор.

Прокурор. — Какую занимали должность в армии?

Кош. — Я служил в саперных частях.

Прокурор. — Командиром или рядовым?

Кош. — Я был сапер.

Прокурор. — Какой имели военный ранг?

Кош. — Рядовой солдат.

Прокурор. — Предупреждает, что свидетель обязан показывать правду.

Прокурор. — Скажите, свидетель Кош, что вам известно о способах истребления германской армии мирного советского населения?

Кош. — Кроме массовых расстрелов, которыми пользовались национал-социалисты для уничтожения мирного советского населения, мне еще известно о специальном способе уничтожения — «газовом автомобиле».

Прокурор. — Откуда вам известно о «газовом автомобиле»?

Кош. — Я слышал о газовом автомобиле от моих товарищ, а также эту машину видел лично.

Прокурор. — Расскажите, при каких обстоятельствах и где вы этот автомобиль видели.

Кош. — Это было в начале мая 1942 года в Среднем городе Волгограде, где находился наш батальон. В этот день я зашел в служебный зал, в котором были дежурные элементы, и залез в Волгограде. Закончил свою залу, и залез в Волгограде, и залез в Волгограде.

Прокурор. — Расскажите о том, что вы тогда тогда в газовом автомобиле.

Кош. — Небольшая часть советских элементов была уничтожена сразу же после занятия города.

Прокурор. — Значит тогда, когда

также говорила, что они видели и слышали про «газовые машины» на центральном отрезке фронта в районах Смоленска, Брянска и Белгорода. Неудивительно, что теперь все народы связывают ими немцев с нацизмом. За это обезличивание германский народ может благодарить Адольфа Гитлера, а также за то, что сейчас совсем невесело быть немцем. (Смех и сожаление в зале).

Прокурор. — Много было в лагере детей, женщин, стариков и больных, находившихся в зале, не могли получить эту пищу и умирали от голода.

Прокурор. — Много было в лагере детей, женщин, стариков?

Янчи. — Да.

Прокурор. — Расскажите, свидетель, были ли случаи расстрела военнопленных и гражданских лиц?

Янчи. — Да, охранная команда использовала всякую возможность для стрельбы по заключенным: например, при раздаче еды охранная команда стреляла по военнопленным и гражданским лицам из штыков со стороны башни, стреляли из пулевометов, бросали гранаты. По предложению офицера контразведки капитана Живая, командиром лагеря майором фон Титцером был издан специальный приказ, позволяющий стрелять. Я уже сказал, что заключенные, которые получали пакеты с кашей, не имели возможности ее приготовить, для этого не было никаких средств. Они собирали из грязных луж и сточных канав воду и таким образом старались себе что-нибудь сварить, а также собирали по лагерю остатки топлива и раскладывали костры. При таком количестве военных и гражданских лиц необходимо было зажигать костры и в темноте. Лагерная охранная команда использовала приказ Титцера для того, чтобы открывать стрельбу не только по тем, кто разводил костры, но также и по тем пленным, которые собирали воду из луж или щенки в остатки топлива в лагере. В этом лагере стреляли с утра до вечера. Если бы кто-либо приблился к лагерю, он мог бы подумать, что здесь идет сражение стрелковых частей.

Янчи. — Я был фельдфебелем.

Прокурор. — Свидетель Янчи, вы должны показать только правду. За дату ложных показаний свидетеля повергаются ответственности по закону.

Прокурор. — Вы служили в лагере 271?

Янчи. — Да.

Прокурор. — Был содержался в этом лагере?

Янчи. — В этом лагере содержались формально только военнопленные. В действительности там было и гражданское население.

Прокурор. — Расскажите, какой режим был в лагере военнопленных и что вам известно о лагере военнопленных в городе Вязьме.

Янчи. — В городе Вязьме в октябре и ноябре 1941 года имелся лагерь военнопленных.

Прокурор. — Свидетель, вы в помещении лагеря заходили?

Янчи. — Да, я заходил в помещение лагеря в часы, когда там были трупы уснувших и лиц из гражданского населения.

Прокурор. — Расскажите, как волочили трупы уснувших и лиц из гражданского населения из лагеря в Вязьме в Смоленске?

Янчи. — Бомбардированием лагеря в городе Вязьме было решено эвакуировать из лагеря заключенных.

Прокурор. — Расскажите подробно, что вы видели в помещении лагеря, когда заходили?

Янчи. — Вид, который представлял собой лагерь после того, как туда можно было зайти, был ужасен. Площадка перед фабричным зданием была превращена в целое море грязи, которая местами доходила до полуметра, и в этой грязи были погребены сотни трупов военнопленных и трупов гражданских лиц. Так, можно было видеть в одном месте высывающуюся руку, в другом — ногу, и третьем — голову. Особенно сплошным было скопление трупов около стен фабричного здания. Там лежали трупы расстрелянных, около лагерных стен находились также умирающие, сила или стоя в каком-нибудь из углов лагеря, где они искали убежища от холода. На площадке перед фабричным зданием было большое количество канав, в которых собирались грязь и дождевая вода, и там лежали трупы, погибшие в воде. Некоторые из этих канав использовались военнопленными, как отхожие места. Там также было большое количество трупов. Я никогда ранее не представлял себе, что человек перед смертью может быть настолько истощенным. Они были настолько истощены, что их группы представляли собой обтянутый кожей скелет. Головы представляли собой настенные черепа. В здании была та же картина: оконных проемов в этом здании не было. Было этого здания было наполовину сломано, был сильно склонен.

Прокурор. — Потом вы вместе с товарищем переехали в Харьков?

Бойко. — Через некоторое время после перехода из Краснодара в Харьков, я был израсходован в карательный отряд при генерале Бойко.

Прокурор. — Ваша фамилия?

(Обвиняемый вначале перевелся на немецкий язык переводчик Отеснова, затем переводчик Иванова).

Свидетель. — Бойко.

Прокурор. — Имя и отчество?

Бойко. — Иван Семёнович.

Прокурор. — Год рождения?

Бойко. — 1900.

Прокурор. — Расскажите, как вы были на службе в боях?

Бойко. — В октябре 1941 года в г. Краснодар я пошел работать шофером, а также разведчиком в карательный отряд при генерале Бойко.

Прокурор. — Потом вы вместе с товарищем переехали в Харьков?

Бойко. — Через некоторое время после перехода из Краснодара в Харьков, я был израсходован в карательный отряд при генерале Бойко.

Прокурор. — Расскажите, как вы видели в здании здания, находящегося в городе Харькове?

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации

(Окончание. Начало на 2-й стр.).

Бойко. — По дороге из Волчанска в Курск, а затем в Воронеж все время происходили аресты и расстрелы. Но приезд в Воронеж фон-Радецкий издал приказ, чтобы все жители, оставшиеся в городе, покинули его, а тот, кто останется в городе, будет расстрелян или повешен. Приказано было идти по направлению к местечку Хохол. Немецкие солдаты, войдя в больницу, привели всем больным одеваться, якобы для перехода в Харьков. Все начали одеваться. Но виду того, что был отдан приказ не надевать на себя одежду, некоторые из них покинули, в чём дело, и здесь началась паника. Их гнали, они не хотели выходить. Больные рвались к дверям, но здесь кругом стояли гестаповцы и выходить не разрешали. В тех, которые пытались уйти, стреляли, и в результате этого много было ранено и убито. Затем началась погрузка в машины с применением палок и оружия.

Прокурор. — Сколько человек было уничтожено таким путем?

Бойко. — В первый раз они вывезли 50 человек, а потом остальных. Всего было уничтожено 90 человек, около 80 больных, остальные — обслуживающий персонал больницы.

Прокурор. — Расскажите, что вам известно об уничтожении советских граждан — жителей города Воронежа, высаженных по приказу фон-Радецкого?

Бойко. — После того, как наш отряд зачистил работу в Волчанске, мы выехали оттуда в город Воронеж. Когда мы проезжали Белгород, «газенваген» остался в Белгороде. Через Курск мы проехали в Воронеж.

Прокурор. — По дороге вы никого не расстреляли?

Бойко. — По дороге из Волчанска в Курск, а затем в Воронеж все время происходили аресты и расстрелы. Но приезд в Воронеж фон-Радецкий издал приказ, чтобы все жители, оставшиеся в городе, покинули его, а тот, кто останется в городе, будет расстрелян или повешен. Приказано было идти по направлению к местечку Хохол. Немецкие солдаты, войдя в больницу, привели всем больным одеваться, якобы для перехода в Харьков. Все начали одеваться. Но виду того, что был отдан приказ не надевать на себя одежду, некоторые из них покинули, в чём дело, и здесь началась паника. Их гнали, они не хотели выходить. Больные рвались к дверям, но здесь кругом стояли гестаповцы и выходить не разрешали. В тех, которые пытались уйти, стреляли, и в результате этого много было ранено и убито. Затем началась погрузка в машины с применением палок и оружия.

Прокурор. — Сколько человек было уничтожено таким путем?

Бойко. — Да, гестаповцами и лопатами.

Прокурор. — Потом куда вы поехали?

Бойко. — Потом отряд выехал в Киев. Отсюда отряд поехал в Чернигов для борьбы с партизанами, но я заболел и остался в Киеве при местной команде. Я остался на Институтской улице № 5 в главном штабе.

Прокурор. — Главный штаб чего?

Бойко. — Главный штаб гестапо.

Прокурор. — Расскажите, что вы делали в Киеве?

Бойко. — Я работал в гараже. Шофера, которые давно работали здесь, говорили, что в Киеве каждый день происходят аресты и расстрелы. Я видел газовую машину, которая стояла в гараже. Она уходила утром и возвращалась к вечеру.

Прокурор. — Потом куда вы поехали?

Бойко. — Так продолжалось здесь несколько дней, и было расстреляно около 2.000 человек. После мы поехали в город Курск. Когда мы находились при гараже в городе Курске, шофер Ганс Херр рассказал мне, как расстреляли людей в Курске. Он говорил, что несколько машин подехали такими же способами.

Прокурор. — Назовите, свидетель Бойко, фамилии гестаповцев, руководивших массовым уничтожением советских граждан в Харькове.

Бойко. — Штурмбаннфюрер Грайбель, оберштурмфюрер Фейнтольц, оберштурмфюрер Бирхе, оберштурмфюрер Фаст и его помощник Петэрс.

Утреннее заседание 17 декабря

На утреннем заседании 17 декабря проходился допрос свидетелей. Как и в предыдущие дни, зал переполнен народом. С напряжённым вниманием следят присутствующие за ходом судебного заседания, вскрывающего все новые жуткие подробности преступлений, которыечили немецко-фашистские захватчики в период временной оккупации Харькова и Харьковской области.

Перед Военным Трибуналом проходит группа свидетелей — бывших работников 1 армейского сортировочного госпиталя 69-й армии.

Показания свидетелей вскрывают во всех подробностях страшную трагедию, разыгравшуюся в госпитале, в котором находились раненые красноармейцы последнего Харькова немцами.

— То, что мне пришлось видеть и пережить в период немецкой оккупации, — говорит свидетель Джинчиладзе, — произошло во времена в человеческом сознании: в восхитительном госпитале было скоплено 400 таких раненых, нуждавшихся в немедленной оперативной помощи и находившихся в очагах войны и готовившихся к очередной операции, когда раздался глухой взрыв.

Следующий допрашивается свидетельница Сокольская, работавшая медицинской сестрой в 1 сортировочном госпитале. Её показания полностью подтверждают всё, о чём говорили на суде предыдущие свидетели.

— Я находилась 14 марта в немецком госпитале, когда раздался взрыв.

Это немцы бросили зажигательные бомбы. В здании начался пожар. Раненые, спасаясь от мучительной смерти в огне, сползали с кроватей, но большинство тут же погибли. Но в том, на них, кто добровольно покинул здание, я увидела санитаров, которые здесь разыгрывались.

Люди плакали, прощались друг с другом, матери и отцы прижимали к груди детей, некоторые, отчаявшись, плевали в физиономии своим пальцами, бросались на них с кулаками. Всех обречённых гитлеровцы загнали в яму, забрасывали ручными гранатами и одновременно выпустили по ним несколько автоматных очередей.

Такая же расправа, как показывает далее свидетель Бессарабов, была учинена немцами над большой группой советских женщин, которых они собрали якобы для заготовки леса.

На вопрос председателя суда, подсудимый Буланов подтверждает показания свидетеля и говорит, что он сам неоднократно возил в Сокольнический лесопарк осужденных на расстрел советских граждан.

Следующим допрашивается свидетельница Сериков. Он воспроизводит в своих показаниях обстановку, в которой производилось переселение тысяч харьковчан из городских квартир в бараки Тракторного завода. С наступлением темноты переселяющимися было запрещено двигаться по улицам, заходить в дома, чтобы обогреться, им также не разрешали. Люди были разделены и разлучены. В это время стояли лютые холода и многие замерзали прямо на улице. С наступлением рассвета эти люди начали

идти к тюрьме. В них были погружены арестованные, которых по приказу Радецкого

отвели в бараки и расстреляли. Всюду находили патроны, оставленные в оружии. Радецкому посыпало, чтобы их оставалось нерасстрелянных 25 человек. Радецкому посыпало, чтобы их отвели в тюрьму и расстреляли в следующий раз, но он отдал приказ — обратно в тюрьму не везти, а убить их винтовками и другими предметами.

Прокурор. — Следовательно, 25 человек, для которых везли патроны, были убиты винтовками и лопатами?

Бойко. — Да, винтовками и лопатами.

Прокурор. — Потом куда вы поехали?

Бойко. — Потом отряд выехал в Киев.

Прокурор. — Расскажите, как производилось уничтожение?

Бойко. — Прибытием пешком в местечко Хохол заключённых я и другие шоферы повезли по направлению к селу Матрёновка. По прибытии на место мы получили приказ разгрузить машину. Среди приехавших из машины начальник паника. Тех, кто пытался бежать, немедленно расстреливали. Я помню, как одна женщина, плача, кричала: «Зачем вы нас убиваете, не убивайте». Помню, как одна девочка умоляла гестаповца не расстреливать её мать. Она просила: «Дяденька, не убивайте мою маму». Но гестаповец расстрелял сначала её, а потом и девочку.

Прокурор. — После того, как наш отряд зачистил работу в Волчанске, мы выехали оттуда в город Воронеж. Когда мы проезжали Белгород, «газенваген» остался в Белгороде. Через Курск мы проехали в Воронеж.

Прокурор. — Потом куда вы поехали?

Бойко. — Главный штаб чего?

Бойко. — Главный штаб гестапо.

Прокурор. — Расскажите, что вы делали в Киеве?

Бойко. — Я работал в гараже.

Прокурор. — Потом куда вы поехали?

Бойко. — Так продолжалось здесь несколько дней, и было расстреляно около 2.000 человек. После мы поехали в город Курск. Когда мы находились при гараже в городе Курске, шофер Ганс Херр рассказал мне, как расстреляли людей в Курске. Он говорил, что несколько машин подехали такими же способами.

Прокурор. — Назовите, свидетель Бойко, фамилии гестаповцев, руководивших

Вечернее заседание 17 декабря

На вечернем заседании 17 декабря допрашивается свидетель Головко, работавший врачом Липецкой больницы.

— 21 ноября 1941 г., — показывает свидетель, — в больнице явилось трое немецких офицеров — один капитан и два лейтенанта. Один из них заявил мне, что имеется распоряжение об уничтожении всех больных, находящихся на излечении в нашей больнице, и предложил мне взять на себя отравление их ядом. Я горячо протестовал и заявил, что обязанность врача лечить, а не травить людей. Тогда офицер спросил: «Может быть, кто-либо из медперсонала вашей больницы возьмёт на себя выполнение этого задания?» Я ответил, что таких у нас не найдётся. Тем не менее офицер приказал мне собрать медперсонал и довести до его сведения это предложение. Я подчинился приказу, собрал весь медицинский персонал. Как я и ожидал, все работники больницы единодушно поручили мне заявить офицеру, что они отказываются стать палачами наших больных. Я довёл об этом до сведения офицера. Тогда он заявил: «В таком случае я сделаю это сам». Я пытался спасти больных, сказав, что если германскому командованию нужно помещение нашей больницы, то оно будет немедленно освобождено. «Нет, помещение нам не нужно», — ответил офицер, — нам нужно уничтожить больных». Он приказал всем работникам больницы войти в помещение и не выходить оттуда под угрозой расстрела. После этого во двор вошла группа германских солдат, другие солдаты окружили всю территорию больницы, а за оградой, на перекрёстках дорог были выставлены пулемёты. По всему было видно, что немцы готовились к этой операции очень тщательно и продумали всё до мелочей. Офицер приказал солдатам выводить больных из отделений по 10 человек. Боль-

ных выводили из здания и приказывали сидеть в больничный сад. А там, в овраге лежало несколько немецких солдат во главе с офицером. Когда больные приближались к оврагу, немцы открывали огонь. Кое-кто из больных пытался бежать, но немецкие солдаты их догоняли и добивали. В это время подъехала другая машина — прибыл ещё один немецкий офицер, заявивший, что он врач, и имел право принять от меня больничное имущество. Услышав слово «врач», я тоже упал в яму и потерял сознание.

Когда я очнулся, слышу — стреляют. Рядом со мной лежал труп моего сына Владимира. Сверху продолжали падать припасы. Я тоже упала в яму и потеряла сознание. Когда я очнулась, чтобы не закрыть, не решила, что единственное для меня спасение — это притвориться мертвой. Я пролежала в яме потому, что гитлеровцы застрелили расстрел и ушли, выбрались из ямы и кое-как доползли до дома.

Все присутствующие в зале с напряжённым вниманием выслушивают этот страшный рассказ о том, как немецкие изверги потребили группу их в чём-то половины советских женщин.

Председатель суда генерал-майор юстиции Масников объявляет, что допрос свидетелей окончен. После краткого перерыва суд заслушивает заключение судебно-медицинской экспертизы.

В утреннем заседании 18 декабря начались прения сторон. После общительной речи военного прокурора, полковника юстиции тов. И. К. Дугаева, председателем суда, генерал-майором юстиции тов. А. Н. Масниковым предоставляется слово представителям защиты, адвокатам тов. Бижеву, Казачесеву и Белову.

После произнесения посдудимыми их последнего слова суд удаляется на совещание. Об является перерыв.

(Продолжение отчета о судебном заседании будет опубликовано в следующем номере).

ПРИГОВОР ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

В 23 часа 40 минут 18 декабря председательствующий генерал-майор юстиции тов. А. Н. Масников оглашает приговор Военного Трибунала IV Украинского фронта по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в г. Харькове и Харьковской области в период их временной оккупации.

Военный Трибунал признал полностью доказанной виновность всех подсудимых в преступлениях, предусмотренных частью 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и приговорил:

Подсудимых Лантельц Вильгельма, Рихарда Ганса, Рейнхарда Рейнгарда и Буланова Михаила Петровича — к смертной казни через повешение.

Приговор был выслушан многочисленными гитлеровскими гвардейцами в зале суда, с напряженным вниманием и встречен единодушным одобрением.

г. Харьков, 18 декабря. (ТАСС).

Из зала суда

Так это было

Когда окончился допрос подсудимых в мире. Его послекраснокровному узлу было начата расправа. Деревня на берегу заструпала автомата, и первый залп был направлен по ногам, чтобы предотвратить возможность бегства, толк дорога и без того была опасна войсками в полной боевой готовности. Это называлось у немцев «фундук». Смерть ногам. Передняя перегородка жертв осела на пятнистый красный снег, а другую точку кости холмистого отчалившихся земель. Они обломали и расшибли ноги.

всех подсобных страшной трагедии, разыгравшейся в госпитале, в котором находились раненые красноармейцем после боя за Харьков немцами.

— То, что мне пришлось видеть и пережить в первое немецкое оккупации, — говорит свидетель Джинчиладзе, — просто не вмещается в человеческую совестность: восьмом корпусе госпиталя было сожжено 400 тяжело раненных, лежавших в немедленной оперативной помощи и находившихся в операционной и готовившихся к очередной операции, когда раздался глухой взрыв. Настроючи мне с криком бежали санитарки. Оказывается, к госпиталю подъехали эсэсовцы и, предварительно заколотив все входные двери, бросили в помещение две зажигательные бомбы. Первый этаж моментально охватило пламя. Огонь перекинулся на кровати, где лежали раненые. С загоревшейся одеждой они поползли к окнам. Многие были так слабы, что не успев проползти нескольких шагов, падали мертвыми. Тех же, кто успел добраться до окон и вылезти из подоконников, пристреливали из автоматов эсэсовцы, опепнившие здание вокруг. Нельзя передать словами то, что происходило в этот момент: горящие люди метались по палатам, им нигде не было спасения — в помещении бушевал огонь, а за окнами подстерегали пули. Такая же сцена разыгралась и во втором этаже, куда вскоре перекинулся огонь. Нам удалось спрятать группу раненых на лестничной клетке, и, когда эсэсовцы, видимо, думали, что все раненые погибли в огне, уехали, вытащить их через окна из улицы. Из 400 человек, находившихся в корпусе, спаслось не более 50.

Раненых, оставшихся в других корпусах госпиталя, постигла та же участь. На завтра в госпиталь вновь приехал отряд эсэсовцев, и начался массовый расстрел. Эсэсовцы обшаривали все углы, подвалы. Некоторых раненых вытаскивали во двор и расстреливали, других прикачивали на месте. Эта кровавая расправа продолжалась 4 дня. Трупы убитых 12 дней лежали во дворе и в подвалах. Гестаповцы не разрешали их хоронить.

Показания Джинчиладзе дополняет свидетель профессор Иатин, явившийся в момент этой трагедии заместителем начальника госпитала. Его показания с неоспоримой ясностью устанавливают, что это тутовищное преступление было заранее обдумано, подготовлено и организовано гитлеровцами.

— Накануне трагедии, — показывает Егоров, — в госпиталь явились немецкий офицер и приказал сосредоточить всех раненых в одном из корпусов, где, как он заявил, будет госпиталь для русских. Когда это было сделано, в госпитале остались эсэсовцы, опечили корпус, в котором мы начали сосредоточивать раненых, немцы собрали, погрузили из машины и с песнями уехали.

Через несколько дней в то же место была привезена большая партия женщин и детей. Лес огласился громкими криками и плачем.

Немцы избивали свои жертвы прикладами, топтали ногами, а детей вырывали из рук матерей. Многие гитлеровцы развлекались тем, что еще до начала массового расстрела избирали себе жертву и расстреливали ее из пистолета. Затем всех загидали в яму и расстреляли из автомата.

— Возле моего сада, — показывает Беспалов, — немцы выкопали яму огромных размеров. В течение трех дней они свозили сюда арестованных советских граждан. Среди них были и воспитанники, и женщины, и маленькие дети, и глубокие старушки. Невозможно описать душераздираю-

щее, что они сам неоднократно видел в Сокольническом лесопарке осужденных на расстрел советских граждан.

Следующий допрашивается свидетельница Сокольская, работавшая медицинской сестрой в 1 сортировочном госпитале. Ее показания полностью подтверждают все, о чём говорили на суде предыдущие свидетели.

— Я находилась 14 марта в помещении госпиталя, когда раздался взрыв. Это немцы бросили зажигательные бомбы. В здании начался пожар. Раненые, спасаясь от мучительной смерти в огне, сползали с кроватей, но большинство тут же падало. Но и тем из них, кто добрался до окон, не удалось спастись. Немцы подстерегали их и расстреливали из автоматов.

Свидетельница Сокольская рассказывала о неслыханном преступлении гитлеровцев во дворе госпиталя. В одном из подвалов они нашли человека, который еще был жив. Несчастного выволокли во двор и хотели тут же пристрелить. Одни немцы уже подняли, было, автомат, но другой ему что-то сказал, и оба громко захохотали. Первый немец куда-то убежал и быстро вернулся с молотком и гвоздями. Оба немца набросились на полуничего человека и, сорвав с него одежду, начали прибивать его к стене на потеху себе и другим немецким извергам.

Сильнейшее впечатление на всех присутствующих произвело краткое показание свидетельницы Козловой. Во время кровавой бойни, учиненной гитлеровскими извергами, в госпитале погиб ее муж, который находился там на излечении.

— Конца я пришла в госпиталь, — рассказывает Козлова, — я не узнала здания. Вместо корпуса высился обгоревшие развалины. Внутри здания я увидела множество трупов. Ими было завалено все помещение. Чтобы пройти из одной комнаты в другую, приходилось буквально шагать по трупам. Среди них я нашла обезображеный труп своего мужа.

О кровавой расправе с советскими людьми, учиненной фашистами в Сокольническом лесопарке, показал проживавший на территории парка свидетель Беспалов. Из окна своего дома, на расстоянии каких-нибудь 150 метров, он трижды видел, как гитлеровские звери уничтожили несколько тысяч советских граждан, в том числе много детей, женщин, стариков.

— Несколько часов, — рассказывает Беспалов, — немцы возили арестованных за ранее приготовленным ямам. Всем было приказано раздеваться. Тех, кто сопротивлялся, избивали и насильно, сорвав одежду, живыми втачивали в ямы и застывали ногами. Вещи, отобранные у раненых, немцы собирали, погрузили из машины и с песнями уехали.

Через несколько дней в то же место была привезена большая партия женщин и детей. Лес огласился громкими криками и плачем.

Немцы избивали свои жертвы прикладами, топтали ногами, а детей вырывали из рук матерей. Многие гитлеровцы развлекались тем, что еще до начала массового расстрела избирали себе жертву и расстреливали ее из пистолета. Затем всех загидали в яму и расстреляли из автомата.

— Возле моего сада, — показывает Беспалов, — немцы выкопали яму огромных размеров. В течение трех дней они свозили сюда арестованных советских граждан. Среди них были и воспитанники, и женщины, и маленькие дети, и глубокие старушки. Невозможно описать душераздираю-

Когда окончился допрос подсудимых и они без краски стыда признались в содеянном, и стало ясно, что за разновидность двухогого представлена на этом процессе вниманию Военного Трибунала, нашей страны и всего цивилизованного мира. Его посёлок расположен всего в ста метрах от большого поля, амфитеатром лась расправа. Деревнико из мороза выступали автомобили, и первый зал для выступления перед окнами дома, где он жил с семьёй, жил, между прочим, с перерывами, потому что периодически скрывался в лесу от угона в немецчину. Этот солидный и рассудительный человек в течение четырёх месяцев сидел на пятым креслом, чтобы предотвратить бегства, хотя дорога и без того была оцеплена войсками и полицейской сволочью. Это называлось у немцев «фугенаппель». Смерть ногам. Передняя перегородка осела на пятнистый красный снег, и вдруг точно костер человеческого отчаяния забушевал на этом селепительном снегу. Оно обжигало и расплывало ноги, невидимое пламя, и тот, кто видел это, вряд ли станет улыбаться потом, как разучился от улыбки Беспалов. Две соседи Беспалова сошли с ума. Уже нельзя было различить отдельных людей. Было только бесмыслие метание, крикенье, пронзительная детская жалоба, стоны и вопли, проклятия, брань и истерический хохот женщин. Впрочем, некоторые женщины заедино с мужчинами, как тигрицы, кидались на солдат, и те пытались от этого нечеловеческого напора. Другие пытались закапывать в снег своих детей, вынув голых из снега, бросались закапывать их в другом месте, чтоб утаить их от смерти. Сынья было «гады», «шарлаты» и еще «спасочки, спаси меня», и еще «бабушка, за что они меня терзают», и еще «чи ты слышишь, мой милый, что я гибну».

Ланхельд, время от времени поглядывавший в зал, как бы прикидывая, на сколько «душегубок» имеется там материала, покрывается багровыми пятнами, точно скручиваемый бешенством; сматтенно жует губы пай-мальчик немецкой фрау Рип, он же председатель «суда чести» гитлеровской молодежи; угрюмо, точно жертвы берут его за глотку, поглаживает шею Буланов. И только Рецлав, эта портативная дубина из руки Гитлера, напалилась беспчувственным взглядом в кумачевую скатерть судейского заседания.

Никто из свидетелей не плачет. Месяцы прошли, но все еще слишком свежи впечатления ужаса и горя. Слезы будут после. Это потом, вернувшись в свидетельскую комнату, истерически зарыдает колхозница Осмачко, целый час пролежавшая в братской яме рядом с трупом своего Володи. Ничего не замечая перед собой, еле слышно дрождывает судью медсестру Сокольскую, как волокли раненых на расстрел, как бились о порог их головы, как приколачивали одного гвоздицами на воротах и хохотали, и вошли при этом «гут». Снимем шапки, товарищи, помолчим минутку об этом безвестном сплемени нашем, которого, не сумев убить в честном бою, воровски добивали немцы из глазах у безоружной женщины.

Свидетель Сериков, сам дивясь виденному, в простоте сердца рассказывает среди прочего, как шла своей дорогой одна паника старушка, верно, чья-то добрая и ласковая мать, и попался ей на встречу обыкновенный немецкий солдат с ружьем, и как он схватил старую за руки и, подтащив к земляной щели, бесстыдно пристрелил ее в утоление какой-то неизвестной тевтонской потребности. Женщина Покопай из черного кошеля своих воспоминаний достает одно — про полуутраченного в «душегубке» старика, который уже не ощущал молид своих мучителей, а только о том, чтобы добили его до смерти из винтовок и автоматов, при нуждали итти к месту казни. Эта кровавая расправа продолжалась, пока не стемнело. Вскоре после этого многие работники больницы рассказывали мне, как происходило дело. К главврачу явился немецкий офицер и предложил отравить больных ядом. Когда главврач отказался, офицер заявил: «Ну, в таком случае я сам их уничтожу». Он приказал всему медицинскому персоналу оставаться на местах, а сам направился во двор больницы и рукою расстрелял. Так было расстреляно 435 больных, в том числе много женщин.

Вот только что вернулся от судейского стола на свою скамью свидетель Беспалов. Речь его не изобиловала художественно выполненными подробностями. Хороший слесарь-лекальщик, он и не помышлял о литературными достоинствами своих показаний. Ему есть о чём рассказать своим современникам во всем мире. Его посёлок расположжен всего в противоположном углу мира — в деревне из мороза выступали автомобили, и первый зал для выступления перед окнами дома, где он жил с семьёй, жил, между прочим, с перерывами, потому что периодически скрывался в лесу от угона в немецчину. Этот солидный и рассудительный человек в течение четырёх месяцев сидел на пятым кресле, чтобы предотвратить бегства, хотя дорога и без того была оцеплена войсками и полицейской сволочью. Это называлось у немцев «фугенаппель». Смерть ногам. Передняя перегородка осела на пятнистый красный снег, и вдруг точно костер человеческого отчаяния забушевал на этом селепительном снегу. Оно обжигало и расплывало ноги, невидимое пламя, и тот, кто видел это, вряд ли станет улыбаться потом, как разучился от улыбки Беспалов. Две соседи Беспалова сошли с ума. Уже нельзя было различить отдельных людей. Было только бесмыслие метание, крикенье, пронзительная детская жалоба, стоны и вопли, проклятия, брань и истерический хохот женщин. Впрочем, некоторые женщины заедино с мужчинами, как тигрицы, кидались на солдат, и те пытались от этого нечеловеческого напора. Другие пытались закапывать в снег своих детей, вынув голых из снега, бросались закапывать их в другом месте, чтоб утаить их от смерти. Сынья было «гады», «шарлаты» и еще «спасочки, спаси меня», и еще «бабушка, за что они меня терзают», и еще «чи ты слышишь, мой милый, что я гибну».

Раз яркие немецкие канаты стреляли в упор в обезумевших людей. Они кидали детей в яму, ухватив за руку и развертев над головой, как лягушат, и что-то чвакали там, наверно, при их падении. Они зарывались в самую гущу толпы, начинавшей уже редеть. Они орали во все горло: «сакрамент» и «шайзай», что, кажется, означает «гадость» на их блатном, зверином языке, видеть, сами валькирии бушевали над ними, и, так подбадривая себя криками, возгласами, они еще до сумерек довершили дело до конца. Уже вороны и сороки, готовые приступить к трапезе, ждали в покрашенных вершинах ближнего леса. Не солдаты ушли не прежде, чем поделили между собой страшный позорный утробу смерти, эту белую забрызганную красным цветом одежду своих жертв. Они не забывали ничего, пока не стало на снегу лишь разрозненные детские галоши да рукавички. И одни уходили пешком, унося трофейные узлы с добчай, а другие уезжали, стоя в машине и опять гнуя что-то синее.

Так слышал это Беспалов, который жив, и мог бы рассказать это еще раз в больших подробностях всяческому в мире, кто захочет удостовериться в совершившемся злодействии. Он опускает глаза (папироса дрожит в его руке); «а некоторые еще забавлялись при этом, — вслух удивляется он. — Они хватали голых, уже полурастянутых, за грудь, за сосок, чиркали штыками по телу, волосы выдергивали; вот тут-то мой сосед и сошел с ума, голый выскочив на мороз, он стал рубить топором вытащенный им шифоньер. Страшно очень было, знаете».

Не судить бы их, а взжалым кнутом по глазам, которыми они смеют еще глядеть на вас, мужья, братья и сыновья погибших. Уже цепкая метель мертвого пепла кружит и забивает очи. Падает черная копоть новых и новых показаний. Стулья, с посеревшими лицами, подсудимые смотрят в пол. Тяжелый могильный прах. Он веет дымом из звоном звучат в их ушах слова приветствия, которые читает сейчас председатель суда...

Леонид ЛЕОНОВ.

ХАРЬКОВ. (По телеграфу).